

ИГРА С МАСКАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вит Кранц

Игра масками.

«Автор»

2026

Кранц В.

Игра масками. / В. Кранц — «Автор», 2026

Всю жизнь её принимали за парня, и это никогда не доставляло ей особых проблем. Поэтому, оказавшись в другом мире, она не стала раскрывать правду о себе. Так она превратилась в слугу, которого все вокруг считали мужчиной. Пока она терпеливо ищет способ вернуться домой, во дворце беззаботно живёт и процветает придворный чудо-лекарь. Он прославился тем, что создаёт для знати лёгкие и гибкие протезы, почти не отличимые от настоящих конечностей. Героиня не может скрыть любопытства. Но её интерес постепенно втягивает её в странную и опасную историю.

Содержание

Пролог.	5
1 глава.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вит Кранц

Игра масками.

Пролог.

День был солнечным. Солнце пекло нещадно.

В церковной школе, примыкавшей к приюту, сегодня был один из уроков. Старые парты, обшарпанное здание. Доска была старой, на ней плохо писал мел. Стулья скрипели. Дети боялись лишний раз пошевелиться, чтобы скрип не отвлек учителя от урока и не привлёк его внимание к тому большинству, что смотрело куда угодно, но не на доску и не на учителя.

Краска на стенах облупилась. Одна из девочек на задней парте ковыряла её — видимо, пытаясь отвлечься от чего-то, что её беспокоило. Её соседка по парте клевала носом и, подперев рукой подбородок, медленно дремала.

Монотонный голос учителя, усыпляющий и нагоняющий тоску. Мужчина, учитель, был одет в церковную рясу. Это был священник, и он вёл урок. На его груди висел большой крест. Кажется, он был золотым, тяжёлым и напоминал о тяжести веры. Никто, в сущности, не интересовался тем, из чего он сделан. Для этих детей крест был рутиной жизни — что церковной, что обычной: они здесь учились, жили и познавали, что такое жизнь, грехи и боль. На столе священника лежали указка и тяжёлая железная линейка.

Когда он в очередной раз задал классу вопрос, но никто не обратил на это внимания, он взял свою линейку. И девочка, сидевшая на первой парте, получила по рукам. Она вскрикнула. В этот момент все устремили взгляд на учителя и вздрогнули. Для этих детей и в этом месте такое было привычным — настолько, что становилось лишь напоминанием и уже не было способно вызвать сопереживание между детьми.

Только один мальчик не отреагировал — тот, что сидел на задней парте. Его пепельные волосы были стянуты в низкий хвост. На щеках были веснушки. Он смотрел за окно. Там был сад: множество красивых цветов, клумбы и несколько высоких деревьев. Похоже, это было единственное ухоженное место, и сад очень выделялся среди всего того, что было вокруг.

Он недовольно развернулся в сторону учителя, когда услышал очередной крик, посмотрел на него и в очередной раз понял: тот, кто должен учить детей, что насилие неприемлемо, поднял руку на слабого. Он устало выдохнул. Ему показалось, что эта жизнь слишком несправедлива.

Священники, что вели у них уроки, не гнушались насилием. Могли ударить линейкой или указкой — иногда по рукам, иногда по голове. Глядя на собственные ладони со свежими следами от линейки, он подумал, что это стало настолько привычным, что уже даже не задевает. Но боль напоминала: учение — это насилие.

За большим деревом стоял мужчина. Скрытый от взора детей за толстым стволом дерева, словно прячась. Он был одет в плащ с капюшоном и штаны, смотрел через окно, как дети учатся. Внимательно изучал мальчика с пепельными волосами и веснушками. Его лицо нельзя

было разглядеть за капюшоном. Но движения его рук говорили сами за себя, его ладоней не было видно — они были в его штанах, что не мог скрыть плащ, и отвратительность тех движений, что он делал, была очевидна. Его дыхание было хриплым, капюшон съехал, и можно было увидеть, как он грязно облизывался и всё тяжелее дышал, глядя на детей за окном.

Дети слушали учителя. Мальчик с веснушками устало смотрел на доску. Мужчина в плаще наконец отвернулся и пошёл в сторону церкви — туда, где молились. Это казалось неправильным, но некому было его даже остановить. Казалось, что в этом месте прогнили не только стены и крыша, но и сами люди — те люди, что надели на себя рясы и повесили на грудь кресты.

1 глава.

Сегодня был вечер пятницы. Стоя на входе в клуб, я прикрыла глаза. Я ненавидела пятницу и выходные. В эти дни мне казалось, что в людях просыпаются черти. Нет, я не была религиозным человеком — религию в принципе не признавала ни за что хорошее. Но работая вышибалой в баре, осознаёшь: люди творят под алкоголем то, что ни один человек не способен сотворить на трезвую голову.

Поправив форменную футболку, я залезла в карман и достала пачку сигарет и зажигалку. Глядя на толпу шныряющих подростков и взрослых, мне показалось, что в этот вечер половина города решила сойтись в одном месте — и этим местом почему-то оказался клуб, где я работала.

Прикурив сигарету, я посмотрела на людей и поняла, что пока ничего плохого не предвидится. Сделав первую затяжку, я блаженно выдохнула струю дыма. Со стороны в моём внешнем виде нельзя было вообще увидеть девушку. Форменные чёрные штаны, чёрная футболка, чёрные ботинки, высокий рост, широкие плечи. Мои короткие тёмные волосы с пепельными концами были залачены назад и открывали широкий лоб и острые скулы. Увидь я себя со стороны — ни за что не поверила бы, что передо мной стоит девушка, а не мужчина. Да на этой работе во мне никогда девушку и не видели. Даже коллеги не всегда осознавали, с кем именно работают.

Мой взгляд зацепился за браслет на предплечье. Станный, похожий на те, что носят хиппи: из тёмной кожи, с переливающимся камнем. Недавно я подобрала его в заброшке, где мы пили. Камень был красным, красивым, и мне казалось, что внутри него горит огонёк. Хотя, возможно, это казалось только потому, что я была пьяна — сейчас я там ничего не видела. Зато камушек неизменно казался мне не просто тёплым, а почти обжигающе горячим. Я одёргивала себя от этой мысли, убеждая, что просто параноик.

За ту неделю, что я носила браслет, трижды хотела его снять, но каждый раз что-то мешало. То звонил друг, то сам по себе включался телевизор или чайник. Я списывала всё на усталость и уговаривала себя не параноить. Браслет в итоге так и не сняла, решив, что ничего страшного не случится, если продолжу его носить.

Затушив окурок о край урны и выбросив его, я встала у входа. Напарник устало на меня покосился. Ночные смены счастья никому не добавляли. Ночная работа вообще заставляет полностью перекраивать режим, но я трудилась так уже не первый год и давно привыкла. А вот паренёк рядом явно устроился недавно и ещё не мог притерпеться ни к режиму, ни к пьяному быдлу, которое периодически устраивало драки или лезло к персоналу. Вот и сейчас он пытался отбиться от пьяной девушки, практически не одетой — лишь лоскуты ткани прикрывали стратегически важные места и, казалось, сами норовили сползти с её тела. Я скривила губы. Никогда не любила подобный тип женщин — слишком вульгарно, пошло и аморально. В моей картине мира такие не заслуживали внимания ни от женщин, ни от мужчин.

Я подошла к девушке, отодвинула её от напарника, препроводила обратно в клуб, объяснив, что к персоналу приставать нельзя, и пожелала найти себе хорошего спутника на ночь — уже внутри. Молодой парень кивнул мне и выдохнул. Я похлопала его по плечу и вручила сигарету — дала понять, что лучше покурить, пока есть возможность.

Провожая взглядом девушку, похожую на ночную бабочку, я точно знала: без трофея она из клуба не выйдет.

Я посмотрела на циферблат. Почти полночь. Стоять ещё часов пять, не меньше — клуб работал до шести утра. Голова гудела. Я поспала всего четыре часа перед сменой. К сожалению, для меня это было нормой: помимо этой работы я ещё работала в парикмахерской.

В своё время я получила весьма неплохое образование стилиста и этим пользовалась. Но моя любовь к сильвым видам спорта дала свои плоды, и в какой-то момент я поняла, что не против подрабатывать вышибалой где-нибудь в баре. Быть фитнес-тренером просто не хотелось — такой формат общения с людьми меня не привлекал. Мне и работы парикмахером хватало с головой. Не спорю, я уставала. Восемь часов на ногах в салоне красоты, причёски и стрижки — а после ещё смена в баре. Но этот ритм оказался для меня нормальным, потому что от обоих занятий я получала настоящее удовольствие. Наверное, мне нравилось делать людей красивыми днём и наблюдать за их пороками ночью. Ведь именно здесь красота, как правило, превращалась в способ уничтожить в себе всё женственное или мужественное.

Охранник внутри бара вытолкнул на выход пьяное нечто — мужчину с перегаром. Я устало вздохнула, понимая, что дальше разбираться придётся нам. Мужчина встал и начал материться. Голосил, что не имеют права его выкидывать, что у него есть деньги, а то, что он лез к девочке, — так она сама этого хотела. Кулаки сами собой сжались. Женское тело для меня всегда было чем-то красивым и святым — тем, чего нельзя касаться без согласия, в каком бы состоянии она ни была. Да, я понимала, что многие из этих девушек одеты так, будто готовы выйти прямо сейчас на трассу, — но это не повод делать с ними что-то без их воли.

Я попыталась поднять мужчину с земли, но он вцепился в мою футболку. На рефлекс я приложила его кулаком по лицу. Он оттолкнул меня, и я несильно ударила спиной о каменную кладку. Он зверски на меня посмотрел и сжал кулаки, явно намереваясь устроить масштабную драку.

Он кинулся на меня и попытался ударить, но я увернулась и уверенным кулаком попала прямо в солнечное сплетение. Он упал и начал задыхаться. Я смотрела на него сверху вниз с нескрываемым презрением. Жалкий мужчина. Пьяный. Сначала лез к девушке. Теперь устраивает драку с охраной. Что с такого взять? Ничего. Хотелось добить.

К своим тридцати годам я имела за плечами несколько лет успешного профессионального бокса, а потом и ММА. Множество наград. Моё тело всегда было похоже на мужское, но меня это не сильно беспокоило — мне даже нравилось. Я была сочетанием несочетаемого: грубый спорт и любовь к тому, чтобы делать людей красивыми. Но в этом и была вся я. Наверное, всё шло из трудного детства, но вспоминать о нём не хотелось — слишком много боли и обиды.

Пока я задумалась, пьяное быдло пришло в себя и толкнуло меня. Я упала на асфальт и уже собиралась встать, чтобы преподать ему урок хороших манер, как вдруг услышала звон стекла. Я посмотрела на руку. Камень в браслете разбился — и в тот же миг меня ослепила яркая вспышка. Я не понимала, что происходит. На несколько секунд я оказалась в каком-то белом пространстве. А потом всё погасло, и я ужаснулась.

Это был уже не мой мир. Я осознала это сразу: был день. Я сидела на мраморном полу. Что-то наподобие дворца — большое помещение, огромные окна. Похоже на танцевальный зал, где в старину устраивали балы. Гладкий начищенный пол, светлые мраморные колонны — и ни одной живой души. Только я, одетая как парень и похожая на парня, без единого явного признака того, что я девушка. У меня даже груди толком не было — совсем небольшая, под футболкой не угадаешь. И в этот момент за моей спиной скрипнули двери. Я рефлекторно повернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.